

Пожелания русских писателей на Новый Год

Мы обратимся к русским писателям, проживающим за границей, с просьбой высказать свои пожелания, как общаго, так и частного характера на 1926 год во всѣхъ областяхъ. Вотъ те пожелания, которыя намъ сообщены:

Общаго характера: чтобы русская эмиграция сдвинулась съ мертвой точки, къ которой примерзла послѣ бѣлыхъ войнъ, и отъ словесной борьбы съ большевиками перешла къ дѣятельной. Раньше ждали объединения эмиграции. Сейчасъ, наблюдая его мзую фривольность начать сомѣяться и въ его надобности.

Частнаго характера: прежде всего — не погибнуть отъ нужды, да не осталась бы семья безъ куса хлѣба и крова. Да были бы дѣти здоровы, да шли бы бодро и съ достоинствомъ путями, дарованными имъ Богомъ талантовъ и способностей. Остальное все, въ 68 года — отъ лукаваго.

Александр Александров

Конечно — гибель большевиков. Остальное все прихотливо.

И. В. Бунинъ

Мы все желаемъ одного: увидѣть Свободную Россію.

А. Гиттисъ

1) чтобы Россія сбросила тяжкое ярмо третьего Интернационала и вернулась къ Богу и Царю.
2) чтобы целена сошла съ глазъ у насъ, леванниковъ и мы объединились бы, наконецъ, подъ нашимъ национальнымъ знаменемъ и пошли туда, куда насъ зоветъ Нашъ Народный Вождь Великій Князь Николай Николаевичъ.

3) чтобы иностранныя державы прозрѣли и поняли, что съ Национальной Россіей онѣ будутъ процвѣтать, а интернациональной — онѣ погибнуть.
4) чтобы Возрожденіе достигло тѣхъ высокихъ цѣлей, которыя оно себѣ поставило.

И. Шмелевъ

Россія: Свободы печати, при помощи которой только и возможно культурное оздоровленіе. Усиленіе чувства національнаго достоинства. Уваженіе къ малымъ, но цивилизованнымъ народностямъ.
Русскимъ писателямъ: 1) Издаватель-

ство въ Парижѣ для художественной литературы.
2) Чтобы помощь приходила тогда это нужно, а не только послѣ устройства вечеровъ.
3) Еще одинъ журналъ,

Борис Пастернакъ

Пробужденіе и освобожденіе Россіи.

Д. Меркуловъ

1) Освобожденіе Россіи.
2) Эмиграция должна понять основную задачу: найти Россію, а не спорить о томъ, какой должна быть Россія.
Частное пожеланіе: въ виду невозмож-

ности для широкаго слоя эмиграции приобрести книги, надо бы организовать издательство дешевыхъ книжекъ, смеленкой обѣдѣлки. Было бы полезно и для писателей.

И. В. Шмелевъ

Долой совѣтскую власть!

Александръ

Евгенъ Морозовъ

Мнѣ хочется, чтобы литература и искусство были совершенно независимы отъ губительной подчиненности критикѣ, тѣмъ она у насъ страдала всегда, а послѣднее время особенно; чтобы каждый творецъ слышалъ только одного Бога и былъ величественъ въ своемъ искусствѣ. Въ насъ должны учиться, не притупляя къ искусству, какъ бы забыли свою науку и съ дѣтской чистотой подошли къ яву жизни и міра. Чтобы философія обогатила человечество стройными системами нашего *русского* мировоззрѣнія, а благороднѣйшіи наши на умы еще громче, еще самоабвеннѣе свидетельствовали о себѣ. Чтобы на страшной крові, пролитой въ Россіи, возстали вѣщія пророки и объяснили намъ ея безумный смыслъ и, чтобы въ насъ, здѣшніе, любилъ другъ друга, какъ братья, и положили бы въ свои силы для дѣятельной мечты о будущемъ, грядущемъ, светломъ счастьи удивительной Россіи и всего человечества.

Александръ Крайковскій

Вернуться въ Россію, быть свободнымъ, работать для русскаго театра, который я считаю первымъ въ мірѣ и несравненнымъ.

Николай Гоголь

Мое пожеланіе, конечно, только одно: говорить о немъ не нужно, оно известно вся кому русскому...
Н. В. Плевницкая

Искусство въ 1925 году

Мы обратились къ нѣкоторымъ дѣятелямъ искусства съ вопросомъ: какія достижения искусства, въ наиболее близкой имъ области, за 1925 годъ представляются или наиболее значительными. Намъ пока доставлены слѣдующіе отвѣты:

Ушедшій литературный годъ не былъ яркимъ. Какъ всегда прекрасно писали Бунинъ, В. Зайцевъ, И. Шмелевъ, А. Ремизовъ. Какъ всегда. Но бывали у нихъ вещи и лучше тѣхъ, что прочли мы въ 1925 году.

Обычная горная цѣль передъ глазами юнны. Все та же.

Т. Мерфи

Я думаю, что въ близкой мнѣ области — литературѣ — наибольшаго реальнаго достижения достигъ Анри Беро въ своей книгѣ о Совѣтской Россіи. Тиражъ книги перешелъ на 100.000, следовательно, читателей у ней не менѣе полумиліона. Это, въ общественномъ мнѣніи, самый крупный ударъ по большевику. И нанесенъ онъ не политическимъ дѣятелемъ, а литераторомъ лѣвыхъ взглядовъ и пролетарскаго происхожденія.

Въ другой, близкой мнѣ области — балетѣ — безусловно много «востаній» и много «нахожденій», т. е. достижений.

А. Шмелевъ

Отмѣчу крайне отрадное явленіе въ области музыки, а именно — довольно ярко намѣчающаяся тенденція въ позитивныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ: въ явленіе духа, и интересъ публики къ такому рода произведеніямъ.

Лина Шмелин

Для Россіи — Бонапарта, для себя — издателя.
Марина Цветаева

Чтобы всѣ дураки, русскіе и иностранные, поняли, наконецъ, что пока Россія находится подъ красной пятой Третьяка Интернационала — нынѣшнее умиротвореніе и никоего творчества въ этой области неммыслимы.

Чтобы иностранныя акулы окончательное убедились, что они ничего не уловятъ въ мутной водѣ Третьяка Интернационала на свою алчную потребу и лишь подаваться.

Чтобы русскіе зарубежные политиканы настолько поутихли, что перестали бы дѣлать шкуру медвѣдя, не убивши его; чтобы они догадались, наконецъ, что надо сперва получить Родину, а потомъ уже рѣшать вопросъ о формѣ правленія; чтобы они избавились отъ своего замкнутости, востолбости, партійнаго буквовѣдства, своего партійнаго толстошкурія и беззастыжливой провокаціи, утѣши въ сердцахъ, склонности къ доносамъ.

Евгенъ Зуринъ

Мое пожеланіе, конечно, только одно: говорить о немъ не нужно, оно известно вся кому русскому...
Н. В. Плевницкая

Лично для меня было самое крупное достиженіе новое изобрѣтеніе для пѣнья въ граммофонъ черезъ посредство новог аппарата воспріимника радио. Очень ясно, отчетливо, на пѣть одновременно легко и трудно.

А. Смирновъ

На нашъ вопросъ о наиболее крупномъ достиженіи въ области искусства за 1925 годъ, отвѣтитъ затрудняясь. Вообще полагаю, что это дѣло истории, намъ же, близкому стоящимъ къ искусству, отвѣтитъ на нашъ вопросъ почти невозможно, благодаря тому, что мы слишкомъ близко стоимъ къ подлитоу вами вопросу, посему не имѣемъ достаточнаго растанія во времени для объективнаго сужденія: всякое же субъективное мнѣніе будетъ всегда недостаточно вѣрнымъ.

Д. Мерфи

Я, просто, не даромъ прожилъ 1925 годъ — я видѣлъ въ Парижѣ два замѣчательныхъ событія, относящихся къ хореографіи: — Гофманъ Герле, это — большое искусство и громадное мастерство, надъ засореніемъ котораго стараются сегодня много танцовщицъ и танцовщиковъ. — Танцы Бекеръ и Дузакъ въ Непритической опереттѣ, это — найденный ритмъ современности и, къ моему восторгу, въ художественномъ планѣ. Какъ я радъ, что не въѣмъ это понравилось — значить не скоро его засоритъ египетская предприимчивость.

Александръ

Премудрый шахъ и храбрый поэтъ

ПЕРСИДСКІИ АНЕКДОТЪ

Я прочиталъ въ одной изъ лондонскихъ газетъ, о свойствахъ новаго персидскаго владыки: Онъ мещанатъ, искусство знатокъ великій И самъ художникъ и поэтъ. И вотъ, читая эти строки, Невольно вспомнилъ я персидскій анекдотъ. Въ немъ нѣтъ политики, нѣтъ злободневныхъ нотъ, Нѣтъ зарубежной нашей склоки. Пускай читатель отдохнетъ, Пускай забудетъ онъ сегодня О нашихъ черныхъ дняхъ, окрасной преисподней Читая глупенькій персидскій анекдотъ, Взвѣсивъ баллады новгородскіе.

Полуденной страны могучій владыка: Шахъ Ваъъ - И - Линъ, Чье имя славилось отъ края и до края, — Отъ государственннхъ занятій отдыхая, Жаръ вдохновенія почувствовалъ въ груди — И сталъ писать стихи... (Аллахъ его суди!) Изъ подъ его пера, какъ бурные потоки, Лились вѣстивыя риемованныя строки: Онъ сочинилъ поэму въ строкъ пятьсотъ, Поэму, полную невиданныхъ красотъ

Шахъ прочиталъ ее въ присутствіи придворныхъ И выказалъ ураганъ восторговъ неприличныхъ, Трезвонъ похвалъ гудѣлъ въ его ушахъ. Но имъ не въриль гордый Шахъ: Позвать поэта онъ велѣлъ безъ промедленія Поэту Ваъъ - И - Линъ прочелъ свое твореніе Поэтъ безомлоствовалъ... «Что-жь ты молчишь? Я жду: Мнѣ дорого поэта одобреніе — И въроу я его судю». И рекъ служитель музъ: «Ты всѣ дары имѣешь, Но даръ поэзии — нѣтъ, его даръ не твой... И должень я сказать, рискуя головой: Писать стихи ты не умѣешь.»

— «О рабъ завистливый, воскликнуть въ гнѣвъ Шахъ: Какъ ты осмѣлился столь зло и ядовито Судить о царственныхъ стихахъ?» — «Казнить его, казнить!» — кричала злобно свита. Но добрый Шахъ былъ милостивъ къ нему — И кратко вымолвилъ: «Въ тюрьму!»

Проходили дни. Полазить недѣли. Поэтъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, нахмуривши чело. Вдругъ... вдохновеніе вновь на Шаха снизошло — И снова риемы зазвенѣли. Недолго помнитъ зло великаго сердца, Велѣлъ онъ въ тюрьму освободить пѣвца — И новые стихи ему на судъ представить. Поэтъ, прослушавши поэму до конца, Постыбно къ выходу стопы свои направилъ... — Куда? — воскликнулъ Шахъ. И, поклонясь ему, Безхитростный поэтъ отвѣтствовалъ: «Въ тюрьму!»

И понялъ мудрый Шахъ прозрачный смыслъ отвѣта, Но не разгнѣвался, а наградилъ поэта. Свои стихи послалъ на топливо въ гаремъ — И больше не писалъ поэмы.

Lolo

Мнѣ бы хотѣлось отвѣтить на вашу анкету болѣе опредѣленно, чѣмъ я могу это сдѣлать.

Въ наиболее близкой мнѣ отрасли искусства — балетѣ — я наблюдаю явный кризисъ переходной эпохи. Классическій балетъ въ упадкѣ. Попытка трансформировать его въ зрѣлище почти безъ танцевъ или примѣнять къ нему принципы мюзикъ-холла и акробатки, остались безуспѣшными. Эти неудачи привели къ отрицательнымъ результатамъ, и я наблюдаю эволюцію вкуса публики въ сторону возрожденія классическаго танца съ нѣкоторою его модернизацией. Поэтому, говорить о «достиженіяхъ» еще рано и надо подождать результатовъ этой эволюціи.

Самымъ выдающимся явленіемъ русской литературы за 1925 годъ считаю прозу Бориса Пастернака (Борисъ Пастернакъ. — Рассказы — издат. *Кругъ*).

Марина Цветаева.

Самымъ крупнымъ достиженіемъ въ русской художественной литературѣ за 1925 годъ считаю романъ Ив. Бунина — *Митина Любовь*.

Иванъ Шмелевъ.

Въ концѣ 1925 года я видѣла танца Анны Павловой въ театрѣ Евсейевскихъ Полей.

Я желаю себѣ, въ Новомъ Году, видѣть ихъ каждый годъ и до конца моей жизни. Больше мнѣ нечего привѣтъ.

Елена Смирнова.

смотря на пестрявца: выгнали его на морозъ въ одномъ бѣлѣ. Подобрали къ нему сѣе живого, пришлось отнять погоня; на кулачкахъ позавать отца Николая, но все-таки сѣбю Христа поповѣдью, сѣбю стѣдью красноармейцевъ.

Прошли года, годѣвъ на землю палъ. Петръ приходитъ, мрачный; поглядѣвъ на беззастѣгаго монаха, зао усмѣхнулся; дого смотрѣлъ и нехотя сказалъ: «Богъ объявляя, надобно Ему ждать, — вишь какой годѣвъ; только справедливости въ немъ чѣтъ: меня за что? Ты монахъ, съ Богомъ въ дружбѣ, съвѣжъ, за что Онъ ругаетъ? Никого я не убивалъ, какъ другіе; если что бралъ, то беззастѣлично: ше продавалъ добру. Тебя въ церкви ударилъ — это въроу, такъ въроу это снѣгана. Неужели Богъ съ пнягого заискивать долженъ?»

Ничего отецъ Николай не отвѣчаетъ, только грустно на Петра смотритъ. Обсуждали ихъ мужики, свѣются, а онъ говоритъ: «Забывъ Петръ, кто Сосновскаго барина тиранилъ, кто съ убитаго роднаго командира золотой крестъ сорвалъ, кто Сосновскихъ сиротъ изъ отцовскаго дома на морозѣ выгналъ? Ничего не отвѣтилъ Петръ, еще свѣрѣвъ, чѣмъ раньше, выругался, прочъ пошелъ.

Прошло время, послалъ Господь уродца. Прибѣжалъ Петръ по дѣламъ къ большевикуму начальству, на беззастѣгаго монаха не смотритъ, но, проходя мимо Церкви шапку снялъ и перекрестился. Черезъ мѣсяцъ прибѣжалъ въ монастырь безъ шапки, растерянный. «Гдѣ отецъ Николай?» Сидѣлъ красноармейскій: вотъ твой монахъ — цѣлымъ пошелъ. Выглянулъ Петръ, и, какъ не было, своимъ горемъ занявъ, руками всплеснулъ. Падѣлъ злодѣй отцу Николаю живымъ и приковали въ соборѣ

будкъ. Стоять кругомъ красноармейцы, свѣются, ругаются, но не всѣ; кое кто стоитъ хмуро и молчитъ. Трусливъ и хитрилъ Петръ все время, а тутъ съ горя и ужаса осторожность забылъ, расталкиваетъ солдатъ, бросается отцу Николаю въ ноги, плачетъ, свое горе расказываетъ. Проходилъ черезъ деревню конный полкъ, въ чистую Петра ограбили, жену взяли солдатъ, лежитъ баба еле живая. Молитъ Петръ: «Отецъ Николай, помолись за жену, помретъ она у меня; попроси Господа, чтобы помиловалъ насъ: виноватъ я, грѣшнень, но за службу Царь Небесный меня караетъ, дозко упроси Его, чтобы простилъ, тяжко мнѣ».

Положилъ монахъ руку на голову Петра, сразу легче стало Петру, и говоритъ: «Плачь, Матвѣичъ, плачь, смывай грѣхъ, а бабу твою Богъ помиловаетъ, поѣзжай съ миромъ». Поѣхалъ Петръ домой. Долого хворала Марья, но подъ конецъ выздоровѣла.

Проходятъ еще время. Точно ослалъ большевики, мучаютъ отца Николая, ожесточились на Церкву Божию, а въ народѣ свѣлые люди стали появляться, твердо Христа исповѣдуютъ и народъ людей къ нему ходитъ. Да и въ отрядѣ не было, — бывало, въ красноармейскій монастырь, когда надъ беззастѣгаго монахомъ издѣвались, а теперь все больше и больше солдаты при этомъ хмурятся.

Растетъ грѣхъ, растетъ и свѣтость; начинаютъ святое сѣмьѣ грѣха становиться, его перерастать. Кается народъ, не ищетъ вины въ другіяхъ, въ себѣ самомъ ее ищетъ, Господа за наказаніе благодаритъ, наказаніемъ очищаясь, хотя въ ищетъ и угнетенія, за то въ духовной радости живетъ и духомъ здѣшнети. Называютъ новобранцы въ

давать крестъ съ себя срывать, начинають тайкомъ коммунисты ходить на исповѣдь къ отцу Николаю.

Изъ дальнихъ мѣстъ бредутъ къ нему странники. Помель въ народѣ слухъ, что самъ Святитель Никола оля на землю пришелъ, въ монастырь спасаетъ. Великія знаменія случаются, звенятъ колокола невѣдомы, звучатъ голоса незрѣченныя; слыные летятъ кровью мученическаю, смываютъ грѣха русскіе. И началось изобавленіе.

Поняла смутные слухи, что гдѣ-то на Югѣ идетъ крестный ходъ, и гдѣ онъ пройдетъ, власть беззастѣгаго падаетъ и замѣняется христіанскою властью.

Собираются большевики въ монастырь, пещучусь, лица тревожныя, а зобора растеть.

Придумалъ ихъ старшій странную вещь — стрѣльбу въ пѣль, а для пѣли приказываютъ брать изъ монастырскаго церкви икону Божьей Матери, чиняую въѣвъ народомъ.

Выстроили отрядъ. Нарочно выбрать начальникомъ молодого солдата Степана, о которомъ ему было известно, что онъ въ Бога вѣруеть и креста не снимаетъ; приказываетъ ему командиръ принести икону. Побѣдиль Степа, чуть лино гибель немилую, либо грѣхъ незамолима. Возвалъ онъ внутренно къ Царю Небесной. Укрѣпила его Звѣздунца, твердо на весь народъ отвѣчаетъ Степанъ, что икону не принесетъ. Стадо тихо; сколько народу ни собралось, солдатъ, бабъ, мужиковъ, — всѣ замолчали, ждутъ, что то будетъ. Злобой перекосило лицо стараго коммуниста-командира, какъ у бѣса стало лицо комиссара съ крохотливымъ носомъ и черными вьющимися волосами. Вытащилъ командиръ нагадь въ кобуры, медленно сталъ подходить къ Степану, за нимъ идетъ коммисаръ, тоже револьверъ вытаскиваетъ.

Вдругъ слышится громкій голосъ отца Николая: «Стой крикано, Степушка, за честной крестъ, не бойся временныхъ мукъ, ожидаешь тебя незыблительный вѣнецъ». Поднялъ Степа глазу за помощью на церковные кресты и — ушло отъ него все земное. Видитъ онъ на небесахъ ангельскіе лица: несутъ одинъ янъ рязъ багряный, золотомъ испещренный, несутъ другой ликъ вѣнецъ золотой. Вопрошаетъ третій языкъ: «Духи безплотные, для кого уготованы рязы свѣтлыя, для кого уготованы золотой вѣнецъ?» Отвѣчаютъ первые лики: «Уготованы рязы, уготованы вѣнецъ для новаго мученика, раба Божія воина Степана».

И уже не видитъ, не слышитъ Степа, какъ кричатъ на него командиръ, что то въ послѣдній разъ его спрашиваютъ, стрѣлять въ него. Падаетъ на землю тѣпное тѣло раба Божьяго Степана, устремляется съ ликованиемъ душевнымъ его на встречу ангеламъ.

На земѣ — одинъ солдатъ испуганный, а другіе нахмурились. Заголосила баба, а мужики по звукамъ обрѣвы наплачывались. Громко слышится опять голосъ отца Николая: «держайте, чада, не слушайте слугъ антихристовыхъ, не губите своихъ дѣтъ, стойте до конца за вѣру православную». Ронуть пошелъ въ толпѣ. Вырвался командиръ и курчавый комиссаръ на отца Николая: «Мы застаемъ тебя молчать!» Вытаскиваетъ командиръ шапку, начинаетъ рубить монаха. Вьетъ комиссаръ на лѣву наложку, топчетъ его ногами. Точно ослалъ на коммунисты, рѣжущу, колятъ, терзаютъ мучилица, — лютѣ его неповинная кровь. Пада въ слыхахъ, громко исповѣдуетъ Святителя Христа, молится за злодѣевъ. Наконецъ ударилъ его прикладомъ по головѣ, раздробилъ ее. Иди отца Николая. Бросили злодѣи тѣло, отосли.

Вдругъ «глядите на купола» — закричалъ народъ, затрясли и видятъ: обновился крестъ, обновился главы, горитъ дивнымъ сіяніемъ. Тутъ народъ уже не выдержалъ. Кто съ плачемъ бросается къ тѣлу Святого, кто грохотитъ, кто молится. Красноармейцы въ кучу сбѣжались. Строй смѣшался, не знаютъ, что дѣлать. Коммунисты пузметъ выдвинули, слышатся слова команды. Осѣпило Петра: какъ воступленный бросается онъ на пузметъ, не даетъ стрѣлять, громко вываляетъ: «Испуванъ грѣхъи свои беззастѣные, пошу за Христа, какъ Степа». Убѣваютъ его коммунисты, — но тутъ икъ и копѣцъ. За Петромъ на ликъ бросаются и мужики и солдаты, — нитомъ смяты прислужники бѣса: великое ликование, красноармейскіе вѣнды свои сатанинскіе срываютъ, толчутъ ихъ кое-кто уже кресты напашаетъ, зовутъ монаховъ молебнѣ служить; пономаръ уже на колокольни и громко зазвучалъ колоколь. А тутъ кто то кричитъ: «Огладите, православные!»

Огладилъ — по дорогѣ въ сосѣднее аѣса, сверкая хоругвами, блестя золотомъ облачений, выходитъ Крестный Ходъ.

Огладилъ инокъ Павелъ, уже свѣтаетъ, смотритъ — на свѣтѣ поплѣвъ передъ нимъ стоитъ самъ старецъ Іоаннъ.

Говоритъ старецъ: «Вѣдомо мнѣ, что Господъ тебѣ въ сию ночь многое открылъ. Иди въ скитъ на лугурію, подаетъ прихода ко мнѣ».

готовилъ инокъ Павла повѣдать все, что ему было открыто. По окончаніи сказанія встаетъ старецъ Іоаннъ и говоритъ: «Чада мои духовныя, пробудьте въ скитѣ до вечера, разоубѣйтесь и отдохните. Когда же начнетъ смеркаться, иди ты, отецъ Павелъ, къ себѣ въ землянку, становись на молитву за землю Русскую, а ты, благоговѣнный христіанинъ Василій Андреевичъ, возьми на себя великій покрѣтъ. Иди въ сибирскіе города, потомъ въ Нижній, Москву, въ полѣнѣ преданію и помянутой землю, въ Бердичевъ городѣ, въ великій градъ Парижъ.

Много вездѣ живетъ нечестивыхъ, а въ скорби, татѣтъ у нихъ, а въ нимъ въ дома, разсѣяны, слышались отъ инока Павла, даждо, даждо, чтобы не падалъ духомъ, чтобы казаясь, вину не въ другіяхъ, а въ себѣ искали, а поканялись и возлюбилъ Господа за Великую Его Милость, очищеніе, ламъ посланное, готовились бы въ великому бою съ слугами антихриста.

Визу еще много вѣнды мученическіхъ, притѣоженныхъ для Святой Руси, но ждите ея скорое Иобавленіе и Проявленіе. Благовѣтъ Великій Часъ. Иди, чадо, не бойся».

Помыслился оба итумелу до земли, благоволяясь и шлпая.

Настала сумерки. Отвѣтнымъ шаромъ спускалось солнце за елки и сосны. Изъ веротъ скита вышло 2 человека; помолились они на монастырскую икону, душевно простились и вошли каждый, куда ему было указано.

Былъ оиъ цѣликомъ и ниши, и убоги, и былъ сѣмьѣй морозъ, но въ душахъ ихъ и у черноризца и у ипранна неказамъ свѣтло: глаза въ софѣвала ихъ твердая надежда на Милосердіе Божье.

Страникъ